

исследование Н. П. Лихачева, в котором впервые был сведен воедино весь относящийся к делу материал. Предшественники Н. П. Лихачева (Н. Ф. Беляшевский, Н. И. Петров⁴⁸), предлагая ту или иную атрибуцию печатей, оперировали единичными экземплярами. Для них, таким образом, не существовало проблемы в целом. Множество вопросов, неизбежно возникающих при сопоставлении всех однотипных булл, множество осложнений, которые несет с собой необходимость датировать и объяснить не отдельный факт, а совокупность фактов, — все это оставалось вне поля зрения названных исследователей. К числу фактических предшественников Н. П. Лихачева приходится относить и тех, которые работали после него, но не имели возможности опереться на совокупность существующих аналогий из-за чрезвычайной редкости на рынке книги Н. П. Лихачева: это И. Свенцицкий, Я. Пастернак и И. Иодковский⁴⁹, писавшие по интересующему нас вопросу в 40-х годах XX в.

Материал, собранный и изученный Н. П. Лихачевым, в последующее время был учтен только в работах Б. А. Рыбакова и С. Р. Килиевич⁵⁰. Их взгляды, так же как и взгляды Н. П. Лихачева, должны интересовать нас в первую очередь, поскольку лишь эти работы могут представлять научное направление в исследовании рассматриваемой проблемы, предусматривающей решение трех взаимосвязанных вопросов: о назначении сфрагистического типа, о его датировке и принадлежности.

Одним из самых загадочных и вместе с тем наиболее привлекательных элементов этих печатей является странная формула «Дьньслово», которая и служит типическим признаком для всей сфрагистической группы. Это слово или

⁴⁸ Н. Ф. Беляшевский. Два замечательные предмета Киевского церковно-археологического музея. «Киевская старина», т. XXII, июль 1888, стр. 35; Н. Петров. Южно-русские металлические печати дотатарского периода, стр. 71—72.

⁴⁹ J. Swiencicki. Byzantinische Bleisiegel in den Sammlungen von Lwow. Сборник в память на проф. Петър Ников. «Изв. на Българското историческо д-во», XVI—XVII. София, 1940, стр. 437; Я. Пастернак. Старий Галич. Краков — Львов, 1944, стр. 200; J. Jodkowski. Pieczęcie ruskie z XI—XII w., znalezionew Grodzie i Drohiczyne. «Przegląd historyczny», t. XXXVII, 1948, s. 198.

⁵⁰ Б. О. Рыбаков. Печатки чернігівських князів. «Археологія», т. III. Київ, 1950, стр. 116; Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. «История культуры Древней Руси», т. 2. М.—Л., 1951, подпись под рис. 223а; он же Боярин-летописец XII в. «История СССР», 1959, № 5, стр. 73; С. Р. Килиевич. Висла печатка з Києва. «Праці Київського державного історичного музею», вып. 1. Київ, 1958, стр. 226—232.

выражение не встречается в каких-либо других источниках. Оно отмечено только на наших буллах вне контекста, облегчающего его истолкование. Вместе с тем эта надпись, будучи основной типа, заставляет думать, что она содержит в себе какие-то важные указания, без учета которых атрибуция печатей вообще не может быть предпринята.

На первых порах, когда исследователи имели дело с единичными печатями рассматриваемой группы, существовало стремление понять их формулу как имя владельца. Исследователя могло подкупать созвучие загадочной надписи с именами Даньслав, Даниил или Давид⁵¹ или же с названием одной из новгородских улиц — Даньславля⁵². Однако обилие типов и вариантов печати с этой надписью, сочетание ее с различными изображениями давно уже позволили признать безусловной принадлежность таких печатей разным владельцам и считать их особым сфрагистическим разрядом, особой категорией булл, широко применявшихся при документах.

Первая связанная с этим выводом попытка дать лингвистическое толкование надписи принадлежит Н. П. Лихачеву, который подразделял надпись на две части: «дньѣ» и «слово». «Смысл надписи, — писал он, — угадывается в том, что печать указывала, что в том документе, к которому она привешена, заключено сообщение, извещение, может быть, распоряжение, одним словом — что-то «слово»⁵³. Что касается первой части надписи, то загадочное «дньѣ» Н. П. Лихачев сопоставлял с существительным «дъно», которое могло звучать и как «дъно», а в форме местного падежа — «въ дньѣ» — означало «внутри» (ср.: «Заклучися въ дньѣ платану» — Патерик Синайский, XI в., 92)⁵⁴. Все речение Н. П. Лихачев переводил, таким образом, как «внутри слово» и сравнивал его с формулой анонимных византийских печатей: οὐ σφραγίς εἰπὶ τὴν γραφὴν βλεπόντες, т. е. «чьей печатью я являюсь, узнаешь, взглянув на написанное»⁵⁵.

⁵¹ Имя Даниил (ДАНЬЕЛОВО) усматривал на единственной известной ему булле такого типа И. Свенцицкий (Указ. соч., стр. 437); имя Давид (ДАВИДА СЛОВО) читал И. Иодковский (Указ. соч., стр. 158—164).

⁵² Я. Пастернак. Указ. соч., стр. 200; ср.: Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 29.

⁵³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 29.

⁵⁴ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1. СПб., 1893, стр. 760.

⁵⁵ Ср. с аналогичным французским переводом легенды византийских печатей, приведенным Г. Шлюмберже: «En lisant cet écrit, apprend (ou apprendras)